

В. Е. Воронин

«НЕДАРОМ ПОМНИТ ВСЯ РОССИЯ...»

**БОРОДИНСКОЕ СРАЖЕНИЕ В ИСТОРИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ
РУССКИХ И ФРАНЦУЗОВ (по следам 200-летнего юбилея)**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПРОМЕТЕЙ

Всеволод Воронин

«Недаром помнит вся Россия...»

**Бородинское сражение в
историческом сознании
русских и французов (по
следам 200-летнего юбилея)**

«Прометей»

2016

УДК 94(470)"1812"(082)
ББК 63.3(2)521.1-686я43

Воронин В. Е.

«Недаром помнит вся Россия...» Бородинское сражение в историческом сознании русских и французов (по следам 200-летнего юбилея) / В. Е. Воронин — «Прометей», 2016

ISBN 978-5-906879-00-4

Книга посвящена сложившимся в российском и французском обществе взглядам и представлениям о Бородинском сражении («Битве на Москве-реке») 26 августа (7 сентября) 1812 г., о его итогах и значении. Дан подробный обзор современной отечественной и зарубежной историографии. На основе анализа множества мемуаров участников сражения с обеих сторон, лиц из ближайшего окружения Наполеона, а также суждений самого «императора французов» Наполеона и главнокомандующего всеми русскими армиями и ополчениями князя М. И. Кутузова автор находит свой ответ на вопрос: кто выиграл Бородинское сражение? Книга предназначена для специалистов и всех интересующихся военной историей России. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 94(470)"1812"(082)
ББК 63.3(2)521.1-686я43

ISBN 978-5-906879-00-4

© Воронин В. Е., 2016
© Прометей, 2016

Содержание

От автора о героях и «скептиках»	7
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Всеволод Воронин
«Недаром помнит вся Россия...».
Бородинское сражение в историческом
сознании русских и французов
(по следам 200-летнего юбилея)
Монография

Рецензенты:

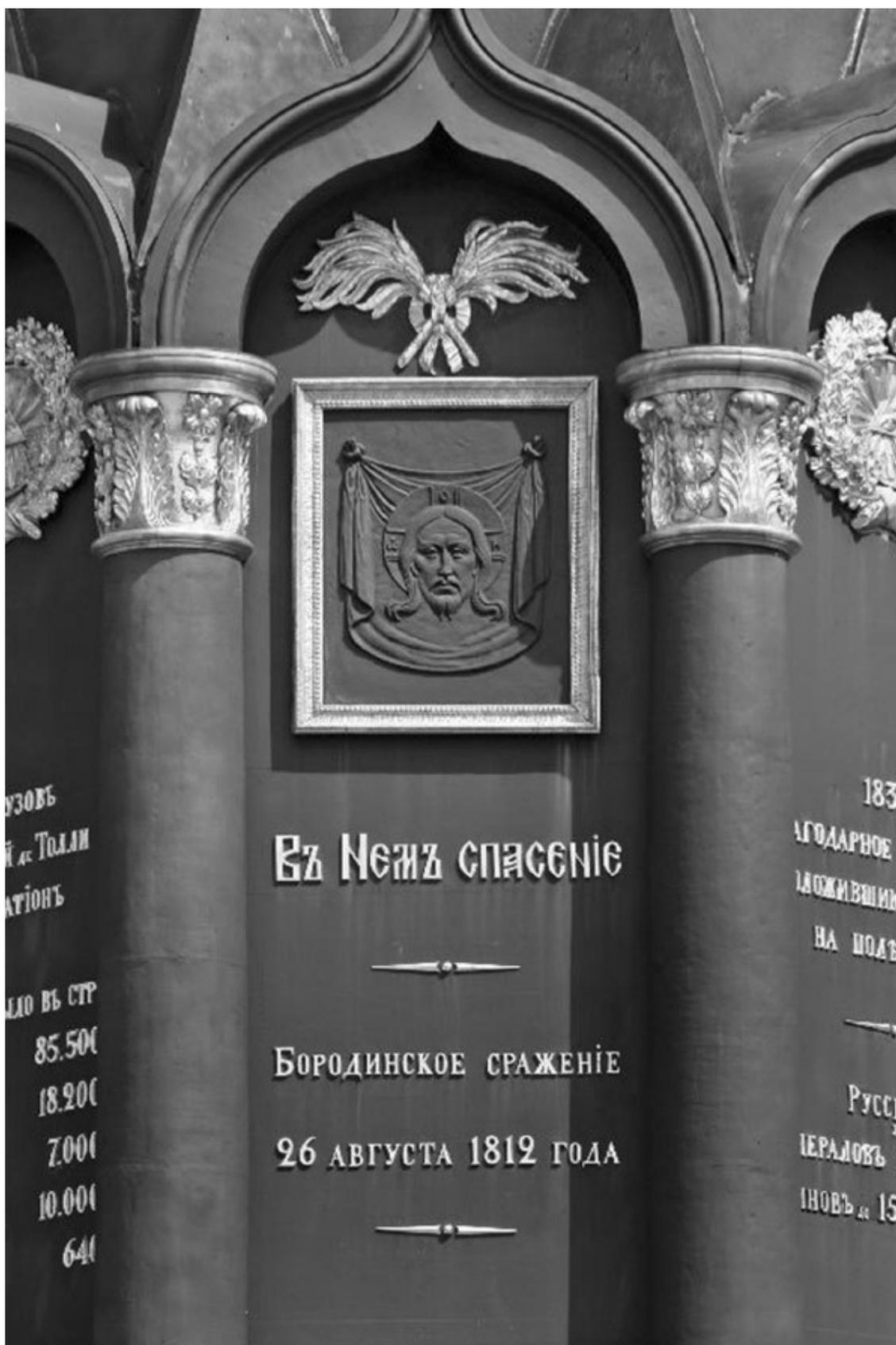
Перевезенцев С. В. – доктор исторических наук, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова;

Полунов А. Ю. – доктор исторических наук, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова.

© Воронин В. Е., 2016

© Издательство «Прометей», 2016

* * *

От автора о героях и «скептиках» (Историографический аспект)

Вот уже 200 лет память о Бородинской битве священна для русского народа. Бородинское поле – один из старейших в мире воинских мемориалов, возникновение которого относится еще к 1817–1820 гг. В 1817 г. Маргарита Михайловна Тучкова – вдова героически павшего в том сражении генерал-майора Александра Алексеевича Тучкова, покровительствуемая самим императором Александром I, приобрела три десятины земли близ села Семеновское. Именно здесь в бою за флешу погиб ее муж. В 1820 г. на этом месте была построена церковь Спаса Нерукотворного Образа, а в 1839 г. начал действовать Спасо-Бородинский женский монастырь, игуменьей которого в 1840 г. стала вдова бородинского героя. По случаю 25-летия битвы, в 1837 г., на Бородинском поле впервые состоялись юбилейные торжества. В 1839 г. село Бородино и местность вокруг него были выкуплены императором Николаем I. Здесь, наряду с постройками нового монастыря, находились: храм и усадьба в селе Бородино, памятник воинам русской армии, могила князя П. И. Багратиона (на батарее Раевского), братские могилы, остатки земляных укреплений.

М. М. Тучковой был основан сначала небольшой каменный храм Спаса Нерукотворного – мавзолей в память павших воинов в Бородинском сражении.

Игуменья Мария (М. М. Тучкова), первая настоятельница Спасо-Бородинского монастыря

В годы, когда были живы и еще находились в строю многие участники войны 1812 г., русская оценка Бородинского сражения и других событий той войны была незыблемой. По словам наследника цесаревича Александра Николаевича (будущего императора Александра II), побывавшего в 1837 г. на Бородинском поле и писавшего об этом отцу – императору Николаю I, здесь «столько пролито крови, с одной стороны, за спасение Царя и Отечества, и с другой – по милости одного ненасытного честолюбца».¹ Конечно, возвращение династии Бонапартов, в лице Луи-Наполеона – императора Наполеона III, к власти во Франции в середине XIX в. и последовавшие затем неудачи России в Восточной (Крымской) войне 1853–1856 гг. не могли не привести к пересмотру прежних безапелляционных суждений о Наполеоне I всего лишь как о «ненасытном честолюбце». Ведь бонапартистские идеи вновь возобладали во француз-

¹ Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год / Сост. Л. Г. Захарова, Л. И. Тютюнник. – М., 1999. – С. 98.

ском обществе, а империя Наполеона III в течение полутора десятилетий являлась сильнейшей державой континентальной Европы. Даже после франко-прусской войны, ставшей причиной падения Второй империи, бонапартистские идеи сохраняли популярность и в течение нескольких лет небезуспешно конкурировали с республиканскими. Президентом Третьей республики в 1873–1879 гг. был один из маршалов Наполеона III – П. де Мак-Магон. Великий князь Константин Николаевич, гостивший в Париже в 1874 г., писал, что во Франции «борьба идет только между республикой и бонапартизмом».²

Спасо-Бородинский женский монастырь, воздвигнутый М. М. Тучковой на месте правой и средней флешей Багратиона

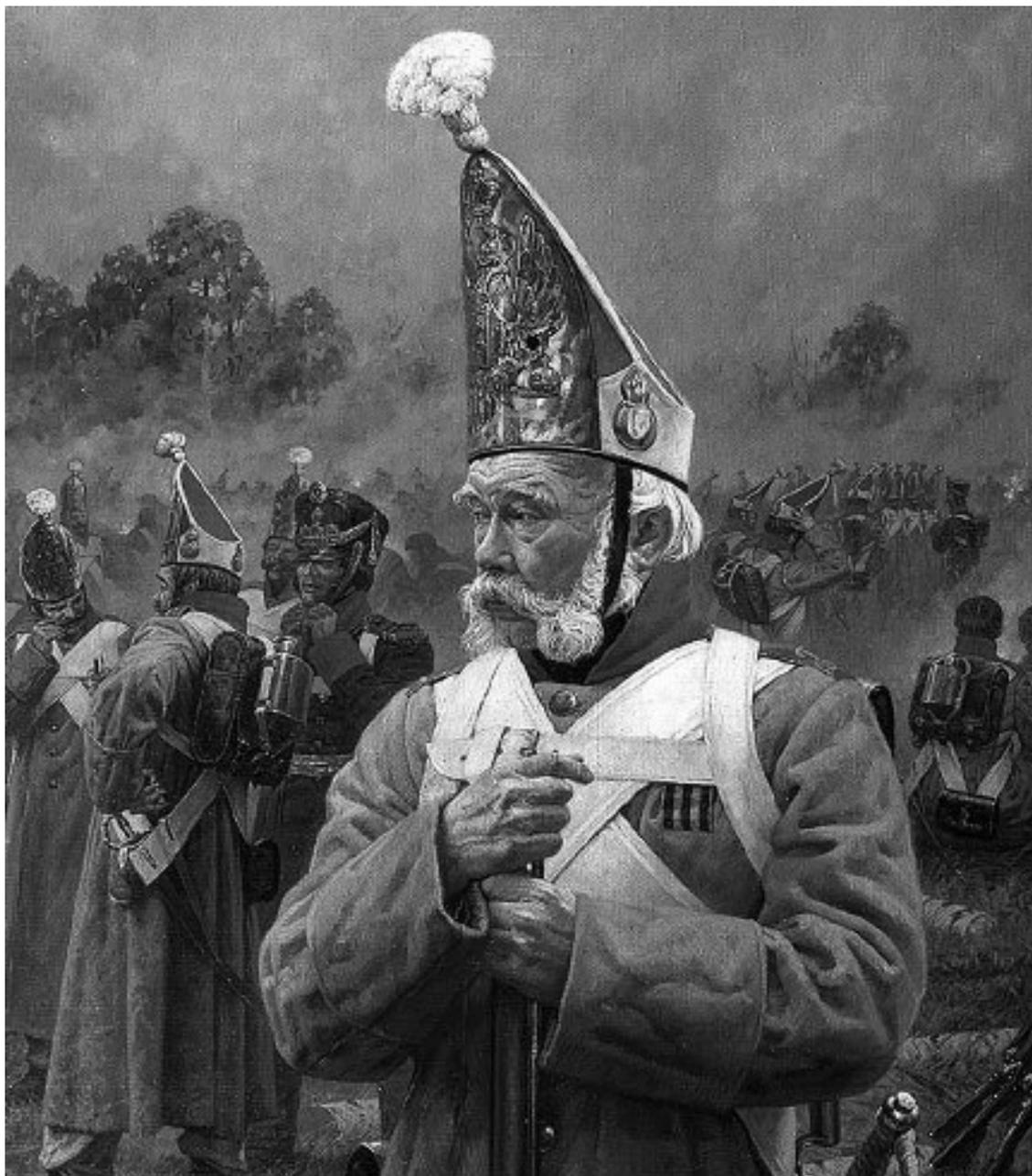
² Дневник вел. кн. Константина Николаевича // ГА РФ. – Ф. 722. – Оп. 1. – Д. 107. – Л. 48 об.

Генерал-майор А. А. Тучков

Монумент Кавалергардам и Конной гвардии. Памятник 1812 г. Установлен в год 100-летия Бородинской битвы

«Ветеран». Худ. А. Ю. Аверьянов

Своеобразный компромисс в оценках войны 1812 года и Бородинского сражения был достигнут по случаю 100-летия их памятных дат. В 1912 г. на Бородинском поле были воздвигнуты десятки новых монументов. Они появились в местах, где 26 августа (7 сентября) 1812 г. располагались части русской армии, а также ставки М. И. Кутузова и Наполеона. Были реконструированы и некоторые прежние укрепления. 100-летний юбилей Бородинского сражения проходил под знаком военно-политического союза России и Франции. В канун Первой мировой войны стороны проявляли заинтересованность в дальнейшем сближении. Основой общего взгляда на войну столетней давности стало признание русских и французских героев того времени «братьями по славе», как это и предлагал бывший адъютант Наполеона – французский бригадный генерал граф Ф.-П. де Сегюр, ставший впоследствии прославленным писателем-мемуаристом.³

³ См. об этом: *Ивченко Л.* Не братья по славе? Историография 1812 года: нынешнее состояние // *Родина.* – 2012. – № 6. – 13

Очевидцы и участники войны 1812 г. Их разыскали к празднованию юбилея в 1912 г. Справа налево: А. Винтанюк, 122 года; П. Лаптев, 118 лет; С. Жук, 110 лет; Г. Громов, 112 лет; М. Пятаченков, 120 лет; старушка 107 лет, очевидица Отечественной войны

... Закончился XX век, наступил XXI-й. Немало великих идей и заблуждений прошлого кануло в Лету. Но в России осталась память о великой войне 1812 г., которую и через 200 лет по-прежнему принято называть *Отечественной*, по словам современного историка В. М. Безотосного, «несмотря на все потуги скептиков».⁴

Впрочем, о некоторых «скептиках» следует сказать особо. Их девизом вполне могут стать известные суждения персонажа из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» – Смердякова: «Я всю Россию ненавижу (...) В двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона французского первого (...), и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы: умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки-с».⁵ Самые смелые из «скептиков», наподобие «национал-демократа» Алексея Широпаева, решились прямо солидаризироваться со Смердяковым. Широпаев пишет: «Между тем, мысль Смердякова по своей сути очень неглупа. «Совсем даже были бы другие порядки...» – а почему бы и нет? Взять хотя бы знаменитый «Кодекс Наполеона». Он сметал остатки феодализма и утверждал равенство всех перед законом, главенство права и принцип частной собственности. «Кодекс Наполеона» оказал огромное влияние на дальнейшее правовое становление всей Европы (...) Спрашивается, кому у нас была нужна война с Наполеоном и ее развесистое патриотическое оформление? Ответ очевиден: клану крепостников, живших за счет продажи хлеба в Англию, которая взамен поставляла в отсталую Россию

С. 16

⁴ Безотосный В. А была ли война Отечественной? // Там же. – С. 8.

⁵ Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. – М., 1973. – С. 249.

промышленные товары (...) Война с Наполеоном была нужна нашим феодалам-крепостникам; они же разрабатывали ширпотребовскую мифологию этой войны в духе квасного патриотизма, именуя Наполеона «антихристом» (...) Смердяков – вот самый интересный и непонятый брат Карамазов. И самый умный, самый глубокий, в чем-то наиболее близкий к народу. Он наиболее смело и интересно заявил тему о России. Независимо от воли автора, он взломал лед ментальных табу. Одной своей фразой он вышел за пределы сусальной «русскости», «православия», «родины», России. Он освободился от России как фетиша, взглянув на нее с точки зрения здравого смысла и нормальных человеческих интересов». ⁶ Очевидно, что применение термина «смердяковщина» к философствованиям «скептика» Широпаева нисколько не оскорбит его самолюбие. Скорее, наоборот, польстит ему.

Еще одним таким «скептиком» – разоблачителем самой «мифологизированной войны в русской истории», «так называемой Отечественной», и выводителем «белых пятен» войны России с Наполеоном можно, среди прочих, по праву назвать т. н. «беларуского историка» М. Голденкова. ⁷ Вполне ожидаемым образом развенчав «миф» о войне 1812 г. и переименовав ее из «Отечественной» в «просто русско-французскую войну или войну с Наполеоном», Голденков подчеркнул, что эта война «оккупантов» из «Московии» с французским императором, тем более, не может считаться «Отечественной» в Беларуси. Автор рассматривает войну 1812 г. как цепь военных побед Наполеона над русскими войсками, состоявшими под началом бездарного командования. Не было исключением и Бородинское сражение, в котором главным свидетельством победы Наполеона служат, по мнению Голденкова, соотношение сил перед битвой и цифры потерь сторон. При этом, не утруждая себя анализом противоречивых сведений, автор утверждает, что 135-тыс. французская армия, атаковавшая численно превосходящие ее русские силы – 150 тыс. человек, потеряла «максимум 35.000», а русские – «до 75.000 убитыми, пленными и ранеными, оставленными в Москве». Согласно этой версии, в Москву вошла 100-тысячная армия Наполеона, а покинули город 70-тыс. «силы Голенищева». ⁸ Правда, даже «беларусский историк» не стал оспаривать факт проигрыша Наполеоном войны 1812 г., хотя и снабдил это вынужденное признание веской оговоркой: «Наполеон проиграл не в конкретных битвах, где неизменно демонстрировал умение побеждать, а в самой войне, и прежде всего потому, что не смог проглотить кусок, который надкусил». ⁹ Наконец, достойна восхищения скромность Голденкова, назвавшего свою книгу «изданием для досуга».

По сравнению с двумя вышеназванными «скептиками», Г. Суданов в своей научно-популярной книге «1812. Всё было не так!» (М., 2012) выглядит едва ли не образцом объективности, к которой всячески стремится, развенчивая накопленные обеими сторонами «мифы» (правда, в большей степени русские, нежели французские). Автор не отказал себе в удовольствии раскритиковать «военный гений Кутузова», а также едко высмеять рассуждения некоторых отечественных историков советского и постсоветского времени о «победе русских при Бородине». Тем не менее, он приводит гораздо более реалистичные, чем Голденков, цифры потерь наполеоновской и русской армий: около 35 тыс. чел. в «Великой армии» и 45 тыс. – в русской армии. ¹⁰ Правда, взгляд Суданова далек от новизны, но таковая и не является обязательной для научно-популярного издания. Несомненной заслугой автора, несмотря на его скептическое отношение к «мифам», является признание войны 1812 г. *Отечественной*. ¹¹ Оста-

⁶ Широпаев А. Самый умный из братьев // <http://shiropaev.livejournal.com/141052.html> [25 октября 2012 г.]

⁷ См., например, кн.: Голденков М. Наполеон и Кутузов: неизвестная война 1812 г. – Минск, 2011.

⁸ Там же. – С. 154–175.

⁹ Там же. – С. 231.

¹⁰ См.: Суданов Г. 1812. Всё было не так! – М., 2012. – С. 155–186.

¹¹ Там же. – С. 5.

ется только сожалеть, что факт победы России в этой войне не остановил поток судановских разоблачений даже на последней странице книги, не имеющей ни введения, ни заключения.

Разоблачения, разоблачения, разоблачения... Видная современная исследовательница истории войны 1812 г. и Бородинского сражения Л. Л. Ивченко, говоря о современной отечественной историографии данной проблематики, вспоминает крылатую фразу М. А. Булгакова: «В воздухе приятно запахло разоблачениями». ¹² Впрочем, иногда жертвой сегодняшних разоблачителей становится и сам «гений» Наполеона. А. М. Буровский в своей книге с эксцентричным названием «Наполеон – спаситель России. От вас это скрывают!» (М., 2012) в гротескной форме отразил грубейшие политические и военные просчеты этого «несостоявшегося якобинца». Речь идет, прежде всего, об отказе императора Франции от дарования «свободы крепостным», а также о его безрассудной военной авантюре в Великороссии – вторжении «в совершенно непонятные и незнакомые области», где пришлось «иметь дело с противником, логика и поведение которого непонятны и непредсказуемы». Автор поясняет: «Вторгаясь в Россию (*т. е. Великороссию*. – В. В.) в августе 1812 года, он (*Наполеон*. – В. В.) почти гарантированно давал себя победить. И читатель еще удивится, что я называю Наполеона Спасителем?!». ¹³ Буровский также не имеет особых сомнений в том, что Бородинскую битву «выиграли русские, потому что французы не смогли добиться своих целей. Русская армия не была разгромлена (...) На следующий день она готова была продолжить бой». ¹⁴ Наконец, автор весьма охотно повторяет старую прописную истину русско-советских учебников истории: «Кутузов сдал Москву и тем самым сохранил армию. Сохранив армию, он сохранил и Россию». Последний тезис нашел в книге творческое развитие: «Наполеон совершил прямо противоположное: он погубил свою армию и тем самым обрек на взятие Париж, и на поражение Францию». ¹⁵ От восторгов по поводу спасения России в 1812 г. Буровский, однако, удерживается в силу того ужасного обстоятельства, что спасенная Россия была «крепостнической» и что ее «войны с Наполеоном придали устойчивости государственному организму». ¹⁶

Легкомысленные, а нередко – кощунственные, словоизвержения некоторых «историков-профессионалов», «историков-любителей» и разного рода «шоуменов» от истории, выгапывающих историческую память народа о великой войне 1812 г. под лозунгом борьбы с «мифами», наталкиваются на негодующие протесты ученых и работников культуры, посвятивших себя сохранению исторических реликвий нашего Отечества. Л. Л. Ивченко, ныне являющаяся главным хранителем музея-панорамы «Бородинская битва», пишет: «Перефразируя Наполеона («Франция осталась без истории»), мы оставили Россию без истории Отечественной войны 1812 года. Накануне 200-летнего юбилея мы добились того, что в обыденном сознании поселились сомнения в героизме и мужестве наших предков; в то же время на полках книжных магазинов уже скопились нераспроданные книги о Наполеоне. Не присоветуют ли нам отмечать 200-летие нашествия Наполеона на Россию? Разрушая «мифы», мы почти лишили юбилей смысла...». ¹⁷

¹² Ивченко Л. Указ. соч. // Родина. – 2012. – № 6. – С. 16.

¹³ Буровский А. М. Наполеон – спаситель России. От вас это скрывают! – М., 2012. – С. 350–351.

¹⁴ Там же. – С. 364.

¹⁵ Там же. – С. 390–391.

¹⁶ Там же. – С. 414.

¹⁷ Ивченко Л. Указ. соч. // Родина. – 2012. – № 6. – С. 16.

Памятник 24-й пехотной дивизии генерала П. Г. Лихачева

Памятник 1-му и 19-му Егерским полкам

Главный монумент войны 1812-го года. Воздвигнут Николаем I в 1839 г.

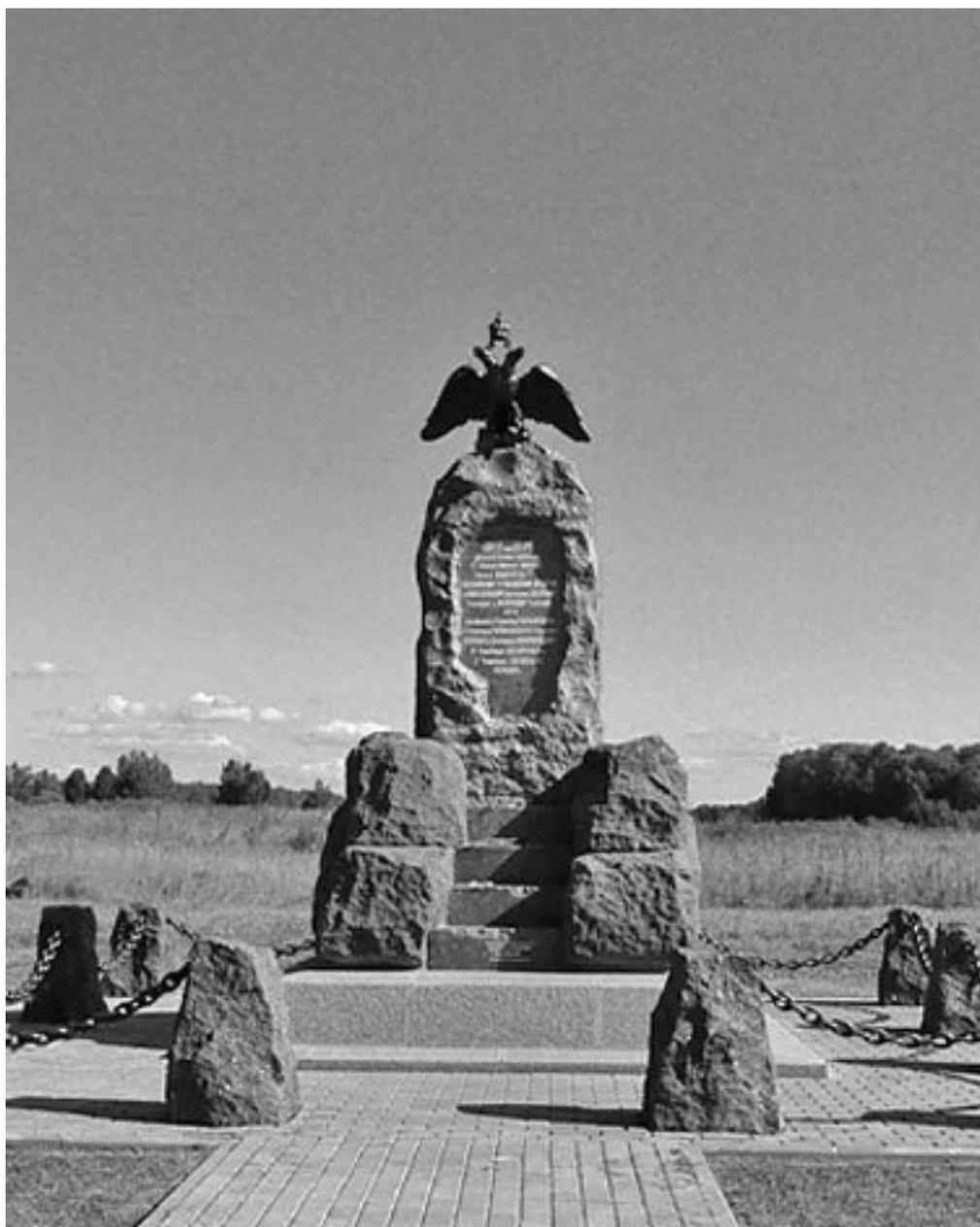
Памятник М. И. Кутузову на Бородинском поле

Памятник Лейб-Гвардии Егерского полка

Памятник пионерным (инженерным) войскам

Памятник 4-му кавалерийскому корпусу генерала К. К. Сиверса

Памятник «Благодарная Россия – своим защитникам»

Читая нынешние дилетантские, но оскорбительные памфлеты на тему войны 1812 г., невольно возвращаешься к первопричинам их появления – губительной «перестройке», приведшей к развалу великой страны в 1991 г., и последующим попыткам вульгарной коммерциализации области исторического знания. Впрочем, начало «перестройки» в отечественной исторической науке было ознаменовано самыми «благими намерениями» ряда довольно талантливых историков, привычно шедших «в ногу со временем». В 1988 г. вышла книга Н. А. Троицкого «1812. Великий год России». Ни патриотическое название, ни общее содержание книги, в принципе, не ставили под сомнение давно заученные хрестоматийные выводы о ходе и итогах войны, о значении ее главных событий. При описании Бородинского сражения автор, правда, позволил себе смелую оценку «рейда Уварова и Платова» как неудачного и не оказавшего существенного влияния на ход сражения. «Обходный маневр и удар по левому флангу Наполеона, на что рассчитывал Кутузов в надежде перехватить инициативу боя, не удалось, – назидательно замечает Троицкий. – Восторги историков по поводу рейда Уварова и Платова

лишены поэтому оснований» (при этом имена таких «историков» не упомянуты). Впрочем, Троицкий здесь же оговаривается: «Тем не менее этот рейд был полезен для русской армии и делает честь Кутузову как главнокомандующему. Он отвлек внимание Наполеона (...) и заставил его на два часа приостановить штурм Курганной высоты. Дивизию Молодой гвардии, уже изготовившуюся к атаке, Наполеон вернул в резерв. Тем временем Кутузов успел перегруппировать свои силы...».¹⁸ Комментарий Троицкого по своему содержанию мало чем не отличается от раскрытия данного сюжета в известном «сталинском» художественном фильме «Кутузов» (реж. В. М. Петров, 1943), научным консультантом которого был академик Е. В. Тарле. Там, рапортуя о проведенном рейде, атаман М. И. Платов (актер С. К. Блинников) сообщает, что «атака не удалась»; М. И. Кутузов (актер А. Д. Дикий), со своей стороны, опровергал вывод опечаленного атамана тем, что «не двинул Наполеон гвардию». При оценке потерь сторон Троицкий сначала указывает, что французские потери были «не меньше» русских, хотя последние потеряли «гораздо больше, чем предполагалось».¹⁹ Затем, анализируя итоги сражения, он, однако, возвращается к этому вопросу и приводит некоторые из многочисленных и очень противоречивых версий, имеющих на сей счет в отечественных и зарубежных источниках и историографии. В этой работе Троицкий не формулирует собственную версию французских потерь, а в приводимых им версиях эти потери составляют от 28.086 до 58.478 чел. В свою очередь, потери русских, по версии Троицкого, сформулированной на основании данных Военно-ученого архива Главного штаба,²⁰ составили 45,6 тыс. чел.²¹

Новаторство Троицкого, одухотворенное оптимизмом первых лет «перестройки», начинается с характеристики «итогов» Бородинского сражения. По мнению историка, «формально Наполеон был вправе объявить себя победителем», так как «занял все основные пункты русской позиции», вынудив русские войска отступить, а потом и оставить Москву. После обнародования своего тезиса Троицкий обрушился с критикой на П. А. Жилина, обвинявшего «буржуазную историографию» в «грубой фальсификации – стремлении представить Бородино как победу Наполеона».²² Апеллируя к высшим авторитетам «марксистской» исторической науки, он писал: ««Бородино как победу Наполеона» представляли Карл Маркс и Фридрих Энгельс, Франц Меринг и М. Н. Покровский, редколлегия ленинской «Правды», которые никакого отношения к буржуазной историографии не имели и ни к какой фальсификации не прибегали. Если судить об исходе Бородинской битвы по материальным результатам (а речь шла именно об этой стороне дела), такой вывод закономерен».²³ Уточнив, что «Наполеон хотя и добился материального успеха, главной своей задачи – разгромить русскую армию – при Бородине не решил», Троицкий объявил о «нравственной победе русских войск под Бородином». Вместе с тем, он резко критиковал историков утверждавших, «будто Кутузов оставил древнюю столицу России *побежденному* врагу». Троицкий настаивал на том, что «главной» задачей Кутузова при Бородине было «спасение Москвы» и что «это ему не удалось».²⁴ Он процитировал слова Наполеона, сказанные на острове Св. Елены 24 августа н. ст. 1816 г. и запечатленные графом Э.-О. Лас-Казом в его труде «Мемориал Святой Елены»: «Битва на Москве-реке была одной из тех битв, где проявлены наибольшие достоинства и достигнуты наименьшие результаты»²⁵ (*курсив мой.* – В. В.). Приведенную фразу Троицкий не считал доказательством призна-

¹⁸ Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. – М., 1988. – С. 167.

¹⁹ Там же. – С. 172, 174.

²⁰ См.: РГВИА. – Ф. ВУА.

²¹ Троицкий Н. А. Указ. соч. – С. 174–176.

²² См.: Жилин П. А. О войне и военной истории. – М., 1984. – С. 454.

²³ Троицкий Н. А. Указ. соч. – С. 176–177.

²⁴ Там же. – С. 177.

²⁵ Las Cases E. Mémoires de St.-Hélène. – Т. 2. – Р., 1823. – Р. 166. Русский перевод сочинения гр. Лас-Каза «Мемориал Святой Елены» (в 2 кн. М., 2010) является «сокращенным». Он не содержит этого суждения Наполеона, а также других, по

ния Наполеоном своего поражения «при Бородине», и тактично заметил: «Не в материальном, а в моральном и даже в политическом отношении (если учитывать последующий ход войны) Бородино, безусловно, победа России (...) Нравственная победа русских войск под Бородином столь велика, что не нуждается в искусственном подтягивании до уровня победы материальной, которая и после Бородина оставалась делом будущего, теперь уже – недалекого».²⁶

Наконец, Н. А. Троицкий, «для правильного усвоения исторических уроков», предложил «критически оценить просчеты русского командования в Бородинской битве, которые не только не позволили русским добиться большего, но и могли привести их к худшему». Он энергично развенчал «мнение» о том, что инициатива в Бородинской битве принадлежала Кутузову, а не Наполеону. По словам Троицкого, «Наполеон диктовал ход сражения, атакуя все, что хотел и как хотел, а Кутузов только отражал его атаки», но так и не сумел, в конечном итоге, удержать «ни Багратионовых флешей, ни батареи Раевского». Вывод историка категоричен: «... Располагая меньшими силами, Наполеон создавал на всех пунктах атаки (Шевардинский редут, Бородино, флеша, батарея Раевского, Семеновская, Утица) «превосходство, доходящее до подавляющего», и в пехоте, и в коннице, и в артиллерии». Виновником подобного положения дел на поле сражения в книге Троицкого было объявлено русское командование (т. е. лично Кутузов). Военачальником, спасшим русскую армию от еще более тяжелой ситуации, назван М. Б. Барклай де Толли, который «время от времени брал инициативу руководства битвой на себя и успевал предотвратить прорыв то левого фланга русской позиции (вовремя подкрепив его корпусом К. Ф. Багговута), то ее центра (стянув сюда корпуса Ф. К. Корфа и К. А. Крейца)». Кроме того, несмотря на количественное и качественное превосходство русской артиллерии над французской, «французы превосходили русских в маневренности и мощи артиллерийского огня». Поэтому, по разным данным, русскими было выпущено по неприятелю от 20 до 60 тыс. снарядов, а французами – от 60 до 90 тыс. Русским войскам удалось избежать «гибельных последствий» ошибок своего командования благодаря «просчетам» самого Наполеона. Последние, с точки зрения Троицкого, состояли, во-первых, в недостаточной активности «действий против русского правого фланга, что позволило Кутузову и Барклаю де Толли беспрепятственно перебрасывать свои войска справа налево». Во-вторых, заняв флеша и Семеновское, Наполеон «не закрепил этот успех». В-третьих, «после взятия Курганной батареи он не ввел в дело гвардию для решающего прорыва в центре».²⁷

«Главным героем Бородина» Н. А. Троицкий, твердо следуя «марксистско-ленинским» постулатам о ведущей исторической роли «народных масс», объявил «русского солдата»,²⁸ спасшего свою армию от разгрома, невзирая на таланты Наполеона и ошибки Кутузова. Так, в позднесоветской исторической науке началось «преодоление культа личности» Кутузова, «непомерно» возвеличенного во времена другого – еще большего «культа». Особую важность Троицкий придавал своему положению о том, что Бородино хотя и является «национальной гордостью России, символом ее непобедимости», но «не привело к перелому в ходе войны», в частности, из-за нехватки, на тот момент, «массового подъема народа».²⁹

мнению издателей, «чрезмерных подробностей военных сражений».

²⁶ Троицкий Н. А. Указ. соч. – С. 178.

²⁷ Там же. – С. 178–181.

²⁸ Там же. – С. 181.

²⁹ Там же.

Памятник гренадерам Павловского полка. Воздвигнут в 1912 г. в честь 100-летия Бородинской битвы

Таким образом, в изучении войны 1812 г. и Бородинского сражения впервые, после десятилетий «культы» и «застоя», было сказано «новое слово», основанное на верности «марксизму-ленинизму», который все еще номинально оставался официальной идеологической доктриной. В 1990-е гг., окончательно освободившись от гнета советской цензуры, Н. А. Троицкий без обиняков выложил свои, нелицеприятные для русского командования, данные о соотношении сил перед Бородинским сражением и о потерях сторон. По его версии, армия Наполеона насчитывала 133,8 тыс. чел. (из них 19 тыс., составлявшие гвардию, находились в резерве и не участвовали в битве), а также 587 артиллерийских орудий; общая численность русских войск достигала 154,8 тыс. чел. (из них 115,3 тыс. – регулярные войска, 11 тыс. казаков и 28,5 тыс. ополченцев, все резервы были израсходованы в ходе сражения). Признавая за русскими, как и за французами, «основания» праздновать день Бородинской битвы «как свою победу», Троицкий, в то же время, отметил, что «ход сражения сложился в пользу Наполеона», располагавшего «меньшими силами», но «к концу битвы» занявшего на поле боя «все русские позиции». Отметив, что, добившись оставления Москвы русскими войсками, Наполеон «счел Бородинскую битву выигранной тактически и стратегически», историк также дезавуировал свое прежнее утверждение о примерном равенстве потерь сторон при Бородине. На этот раз Троицкий заявил, что «соотношение потерь тоже говорило в его (*Наполеона*. – В. В.) пользу». Повторив свою версию о том, что русские потери составили 45,6 тыс. чел., он доверился данным Архива Военного министерства Франции о потерях французов общей численностью 28 тыс. чел. Бородинскую «победу» Троицкий оставил сразу за обеими сторонами: тактическую и стратегическую отдал Наполеону, моральную и «даже» политическую (с учетом «последующего хода войны») – русским.³⁰ В начале XXI в. историк нанес новый удар по старым, оставшимся с советских времен, «мифам» о Кутузове, «истинный масштаб личности» которого, по словам Троицкого, «меньше той *видимости*, которую он обретает» в войне 1812 г. Отбросив все дежурные реверансы Кутузову, в большом количестве присутствовавшие в книге «1812. Великий год России», Троицкий показал, что рассматривает Главнокомандующего всеми русскими армиями и ополчениями в Отечественной войне как заурядную и во многом случайную фигуру: «Вопреки русской поговорке «Не место красит человека, а человек – место», здесь перед нами скорее классический пример того, как и место в определенной степени красило человека».³¹

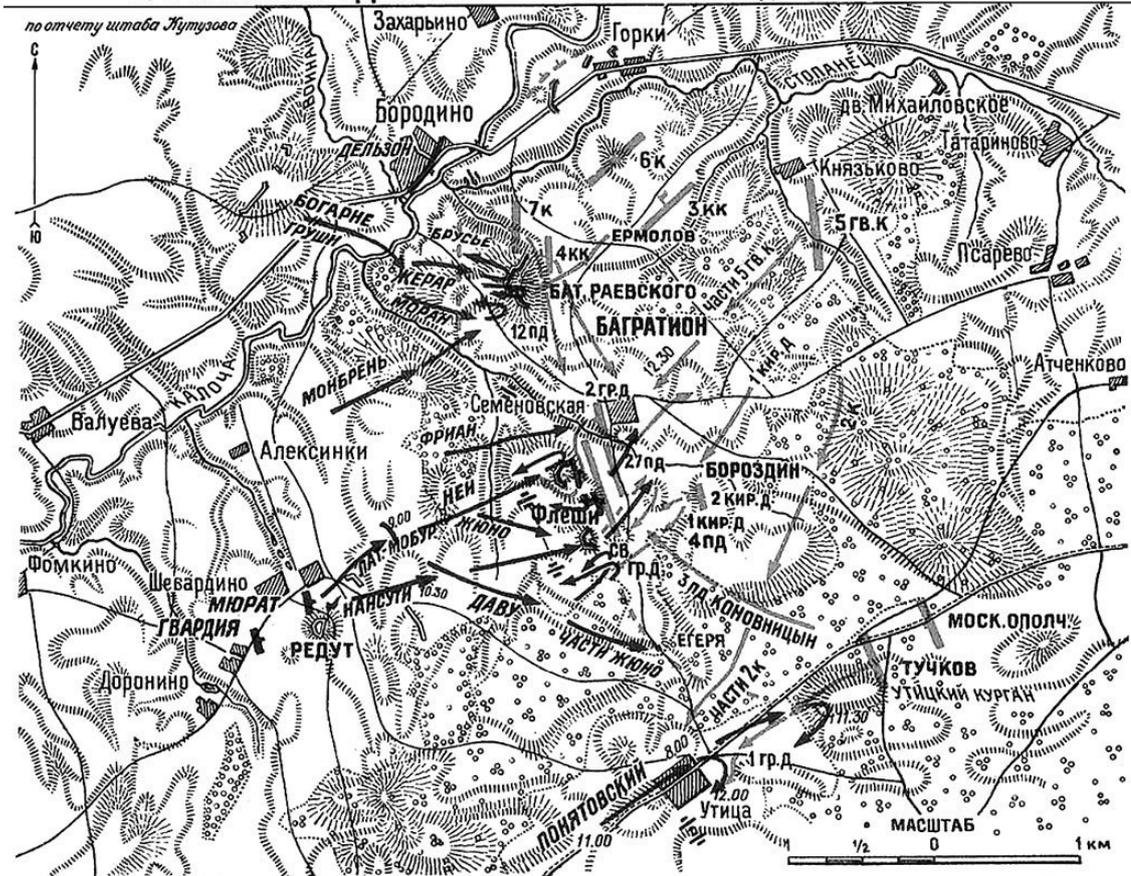
³⁰ Троицкий Н. А. Россия в XIX веке. Курс лекций. – М., 1999. – С. 44–45.

³¹ Троицкий Н. А. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. – М., 2002. – С. 6.

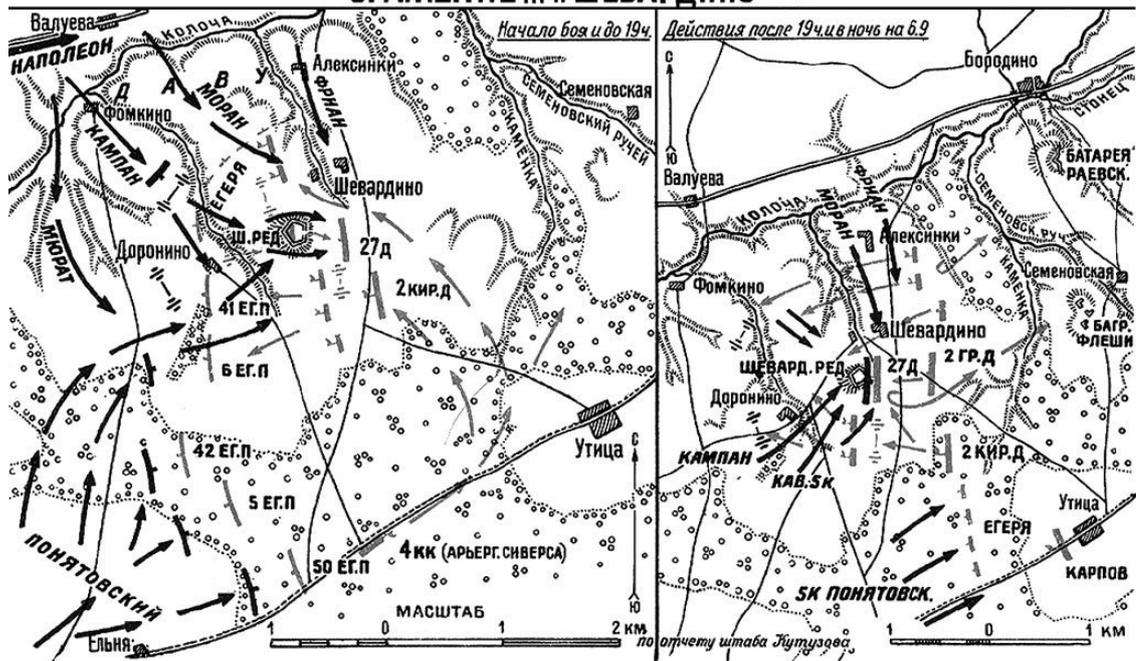
Первый этап Бородинского сражения, 26 августа 1812 г., с 5 до 9 час.

2-й ЭТАП БОРОДИНСКОГО СРАЖЕНИЯ с 9 до 12 ч.

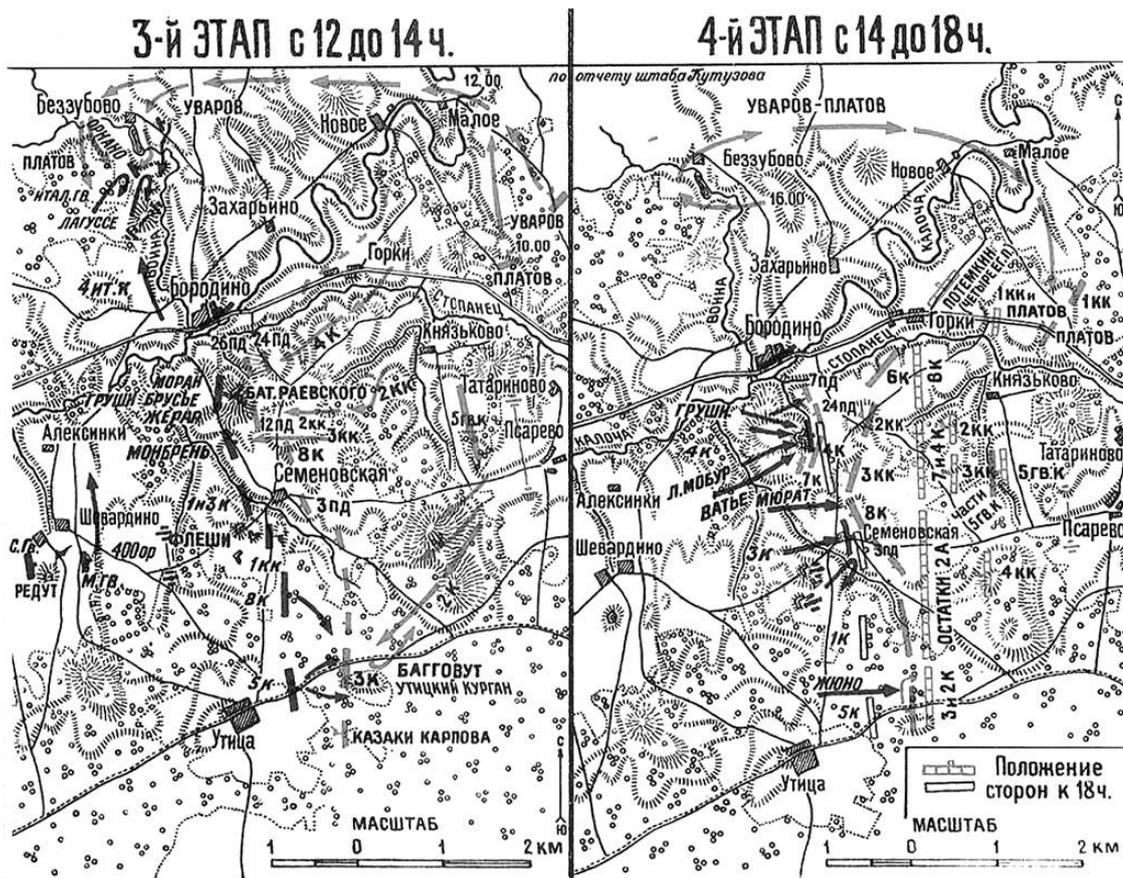

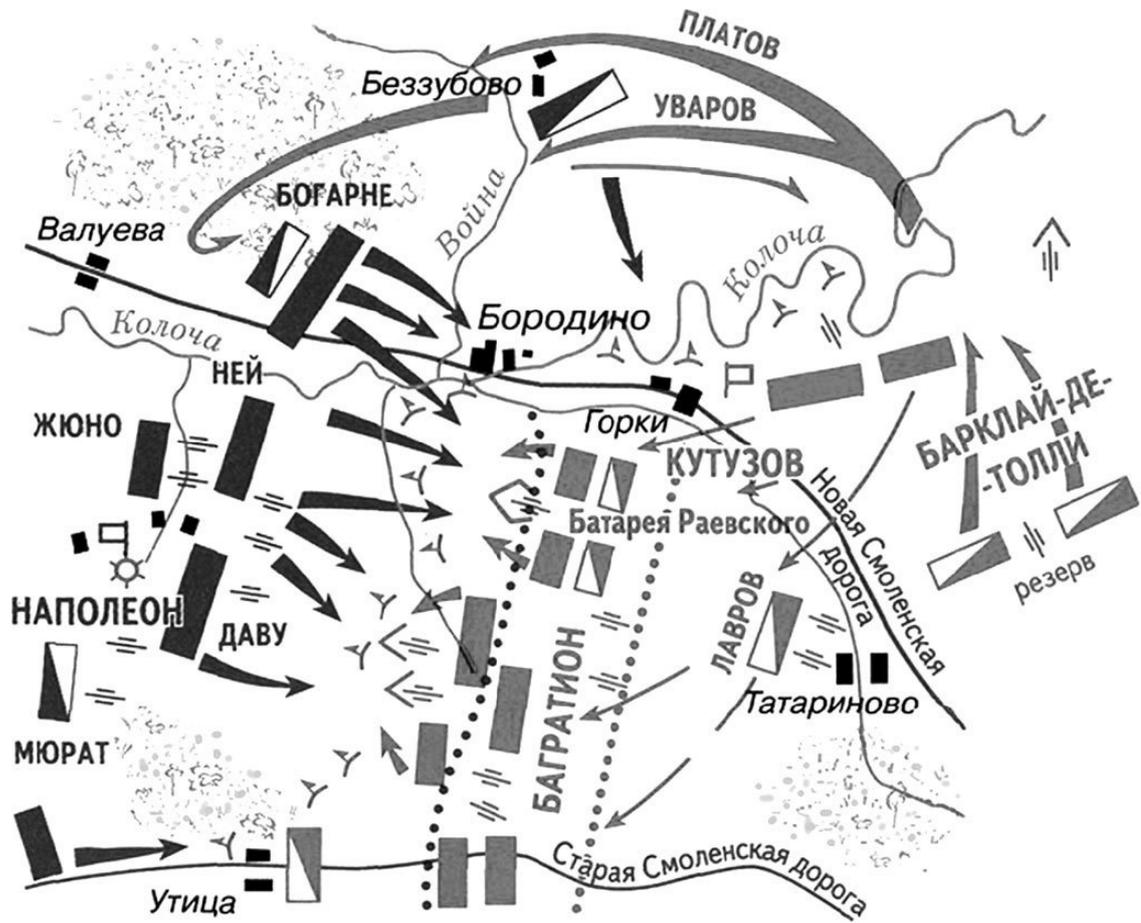
Второй этап Бородинского сражения, 26 августа 1812 г., с 9 до 12 час.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ШЕВАРДИНО

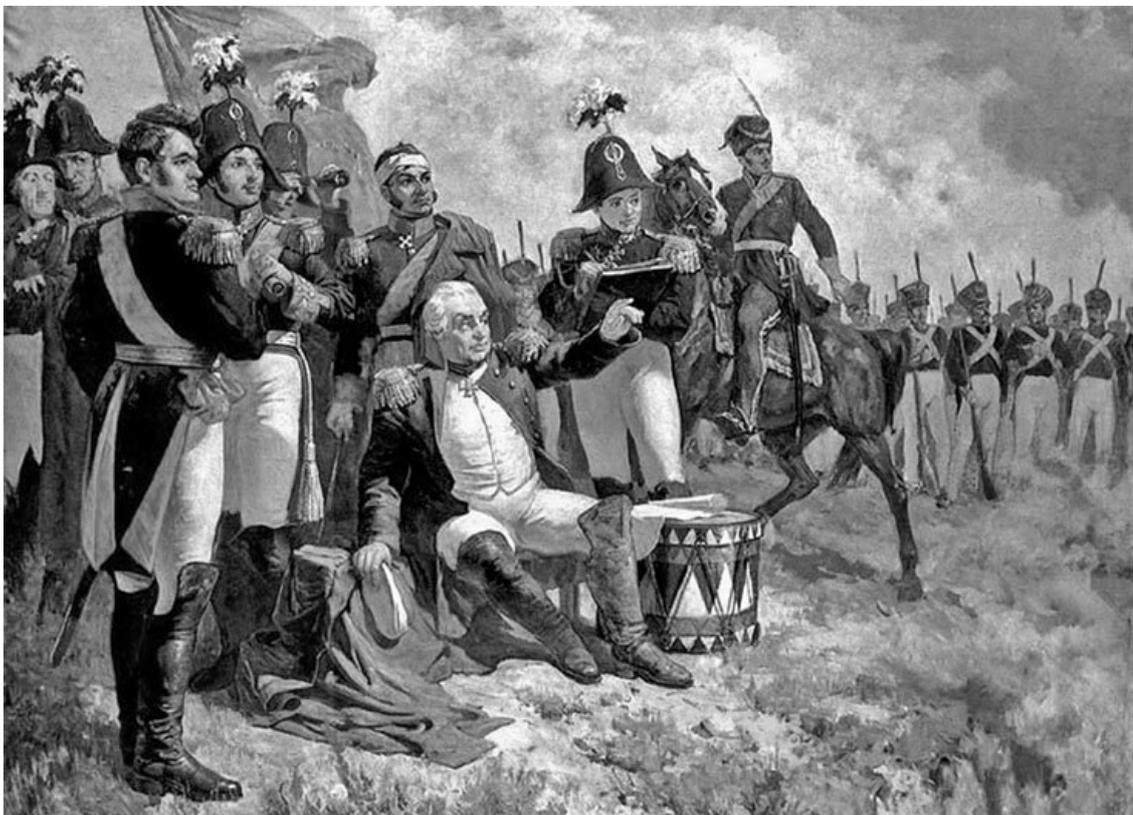

Сражение при Шевардино, 24 августа 1812 г.

Бородино. Общая картина боя

«Кутузов во время Бородинского сражения». Худ. А. Шепелюк

«Наполеон на Бородинских высотах». Худ. В. Верещагин, 1897 г.

Действительно, если следовать логике Н. А. Троицкого – ярчайшим образцом излишнего преувеличения исторической роли Кутузова является Бородинское сражение, бездарно им проигранное. Армия Наполеона, уступавшая русским войскам в численности личного состава и артиллерии, полностью владела инициативой и, потеряв, как минимум, в 1,5 раза меньше солдат, чем ее противник, захватила ключевые пункты русских позиций при Бородине, а затем вынудила «расстроенные»³² (т. е. разбитые) русские армии продолжить отступление и сдать Москву. Правда, Троицкий не решился прямо назвать Бородино поражением России. Пафос ученого был направлен на опровержение версии о том, что русские одержали *решающую военную победу* в этом сражении.

Впрочем, эти усилия Троицкого выглядят напрасными и представляют собой, как говорят французы, *coup d'épée dans l'eau* (удар шпаги по воде).

Во-первых, восприятие Бородинской битвы как *Русской Победы* (без разделения оной на «нравственную» и «материальную») давно стало частью русской культуры и русской ментальности. Поэтому нападки на историков Л. Г. Бескровного и Н. Ф. Гарнича, отчасти – на П. А. Жилина и др., пытавшихся доказать поворотное значение Бородина для хода всей военной кампании 1812 г. или, по крайней мере, факт военной победы русских при Бородине, не вполне корректны в культурном контексте. Любая великая нация – а русские и французы, несомненно, принадлежат к числу великих наций – создавала (и вправе иметь) свои *исторические предания* (*легенды, мифы*), степень достоверности которых не поддается рациональному осмыслению. Так, во Франции на протяжении последних двух столетий сохраняется предание о «непобедимом» Наполеоне, выигравшем все сражения и войны, но погубленном суровой русской зимой, а также коварством бывших союзников и собственного окружения. Колыбелью этого предания стали шедевральные апокрифы обожателей Наполеона – французского графа Э.-О. Лас-Каза,³³ ирландского врача Б. О'Мира³⁴ и мн. др. Русским историческим преданием, более локальным и скромным по содержанию, и в то же время – более реалистичным, стало Бородино. Оно нашло

³² Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. – С. 178.

³³ См.: Las Cases E. Mémoires de St.-Hélène (любое изд.).

³⁴ См.: О'Мира Б. Голос с острова Святой Елены: Воспоминания. – М., 2004.

отражение в русских военных мемуарах, в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Бородино», в романе Л. Н. Толстого «Война и мир», в трудах ряда отечественных историков. Троицкий мог бы, конечно, выступить в роли ниспровергателя «мифа». Но он сам отказался от такой роли, заявив: «Бородино – национальная гордость России, символ ее непобедимости, один из самых знаменитых и дорогих нам памятников русской воинской славы». ³⁵ Уместно ли после слов о «непобедимости» и «воинской славе» России, добытых в Бородинском сражении, обосновывать тезис о военной (тактической и стратегической) победе Наполеона?

«Император Наполеон и его маршалы». Литография

Во-вторых, в трудах ведущих представителей советской наполеонистики – Е. В. Тарле ³⁶ и А. З. Манфреда ³⁷ мы нигде не встречаем бравурных «ура-патриотических» оценок Бородина.

³⁵ Троицкий Н. А. Указ. соч. – С. 181.

³⁶ См.: Тарле Е. В. Наполеон. – М., 1991.

³⁷ См.: Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. – 3-е изд. – М., 1980.

Свой рассказ о Бородинской битве Тарле заканчивает картиной отступления русских войск, безуспешно пытавшихся вернуть захваченные французами позиции и теперь методично расстреливаемых французской артиллерией. Вывод Тарле насчет итогов сражения был очень умеренным и взвешенным. Отметив, что в битве полегла «половина русской армии» и что Кутузов «категорически решил спасти другую половину и отдать Москву без нового боя», академик даже с некоторой долей сатиры писал о русском главнокомандующем: «Это не помешало ему провозгласить, что Бородино было победой, хоть он и был удручен. Победа моральная была бесспорно.

А в свете дальнейших событий можно утверждать, что и в стратегическом отношении Бородино оказалось русской победой все-таки больше, чем французской».³⁸

«М. И. Кутузов». Литография худ. Д. Адама

³⁸ Тарле Е. В. Указ. соч. – С. 272–273.

Таким образом, Н. А. Троицкий, в принципе, позаимствовал формулу Е. В. Тарле, говорившего о «моральной» победе русских, но указывавшего на их огромные потери и отступление с поля боя. Стратегическую же победу Тарле, как политическую – Троицкий, присваивал русским лишь «в свете дальнейших событий». Наконец, Тарле был готов признать военную победу Наполеона в Бородинском сражении, но соглашался сделать это с одной оговоркой: победа Наполеона не была бесспорной. По словам Тарле, «когда Наполеону в ночь после битвы доложили, что 47 его генералов убиты или тяжело ранены,³⁹ что несколько десятков тысяч солдат его армии лежат мертвые или раненые на поле битвы, когда он лично убедился, что ни одно из данных им больших сражений не может сравниться по ожесточению и кровопролитию с Бородином, то (хотя это тоже не помешало ему провозгласить Бородино своей победой) он, одержавший на своем веку столько настоящих, бесспорных побед, не мог, конечно, не понимать, что (...) для Бородина нужно придумать какое-нибудь иное определение».⁴⁰

Не менее сдержан в оценках Бородина и А. З. Манфред. Он считал необходимым «напомнить для понимания последующего, что это генеральное сражение, к которому так стремился с первого дня войны Наполеон, не дало ожидаемых результатов. Солнце, поднявшееся над Бородинским полем, не стало «солнцем Аустерлица», как приветствовал его Наполеон в ранний утренний час 7 сентября, – оно не принесло ему победы. Заметив, что Бородино (фр. «bataille de Moscova» – «битва под Москвой») оказалось «самой кровопролитной и самой ожесточенной из всех известных до того времени битв», о чем «можно судить не только по огромным потерям с обеих сторон и по отсутствию пленных, но и по числу погибших в сражении генералов», Манфред дал анализ правомерности сравнения Бородинского побоища «с битвой при Прейсиш-Эйлау» (1807). Манфред писал: «Черты внешнего сходства были лишь в том, что, как и при Эйлау, по окончании Бородинского сражения каждая из сторон считала себя победительницей. Но на этом, пожалуй, внешнее сходство между двумя сражениями кончалось. Различие было не только в том, что руководство русской армией на Бородинском поле было в руках крупнейшего после Суворова русского полководца – мудрого и многоопытного М. И. Кутузова, а под Эйлау армией командовал несопоставимый с ним Беннигсен, различие было и не в масштабах битвы и тех последствиях, которые они имели для последующего хода событий. Различие было прежде всего в историческом значении этих сражений.

Эйлау в конечном счете осталось эпизодическим крупным сражением, не давшим Наполеону победы и не изменившим даже хода кампании 1807 года; оно не оказало влияния на последующую судьбу наполеоновской Империи. Бородино было переломным сражением, битвой великого исторического значения. 7 сентября (*н. ст.* – В. В.) на берегах реки Колочи переламывалась судьба Наполеона, судьба его империи, судьба народов Европы».⁴¹

Итак, Манфред отказывает Наполеону в праве считаться победителем в Бородинской битве и дает, в отличие от Троицкого, самую высокую оценку полководческим способностям Кутузова. Далее он цитирует знаменитый отрывок из романа Л. Н. Толстого «Война и мир» о «победе нравственной», одержанной «русскими под Бородином».⁴² Но последнее утверждение было конкретизировано Манфредом в духе, полностью исключавшем произвольное толкование «победы нравственной» как решающей военной победы над Наполеоном, после которой Москва была сдана побежденным французам из чисто тактических соображений и только во имя грядущей окончательной победы над уже разгромленными захватчиками. «То была победа нравственная, – пояснял Манфред, – но еще оставалась нерешенной задача достижения материальной победы над вторгнувшейся в Россию армией. Бородино не дало решающего перевеса

³⁹ По уточненным данным, используемым современными историками, в Бородинском сражении выбыло из строя 50 французских генералов; из них 12 было убито и 38 ранено.

⁴⁰ Тарле Е. В. Указ. соч. – С. 273.

⁴¹ Манфред А. З. Указ. соч. – С. 675–676.

⁴² Там же. – С. 676.

ни одной из сторон и потому в сложившейся обстановке не могло предотвратить оставление Москвы русской армией».⁴³

Вышесказанное дает основания утверждать, что «новое слово» об итогах Бородинского сражения, сказанное Н. А. Троицким в условиях «перестройки», на деле больше походило на «хорошо забытое старое». О «победе моральной», «победе нравственной» русских при Бородине говорили Л. Н. Толстой, Е. В. Тарле, А. З. Манфред. При этом Тарле и Манфред были очень далеки от того, чтобы объявлять Бородинскую битву решающей военной победой русских войск в Отечественной войне 1812 г. Да и советский генерал-лейтенант П. А. Жилин – тот самый, который осуждал «буржуазную историографию» за «грубую фальсификацию – стремление представить Бородино как победу Наполеона», также подчеркивал, что перелом в войне 1812 г. мог наступить лишь в результате «качественного изменения самого характера боевых действий», «перехода армии от обороны к наступлению».⁴⁴ Троицкий даже похвалил Жилина за то, что он «давно и доказательно опроверг» мнение о Бородине как о «переломе в ходе всей войны».⁴⁵ Остается только недоумевать, неужели новаторский пафос Н. А. Троицкого был растрочен на опровержение двух старых работ Н. Ф. Гарнича и Л. Г. Бескровного – 1956 и 1962 гг. выпуска?⁴⁶

⁴³ Там же. – С. 677.

⁴⁴ Жилин П. А. Гибель наполеоновской армии в России. – 2-е изд. – М., 1974. – С. 142.

⁴⁵ Троицкий Н. А. Указ. соч. – С. 181.

⁴⁶ См.: Гарнич Н. Ф. 1812 год. – 2-е изд. – М., 1956; Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 г. – М., 1962.

«Русские ополченцы 1812 г.» Акварель неизв. худ.

«Забил заряд я в пушку туго...»

Худ. В. Г. Шевченко, 1970-е гг

Правда, Н. А. Троицкий обогатил отечественную историографию Бородинского сражения рассуждениями об ошибках, допущенных Кутузовым и Наполеоном в ходе баталии. Но трудно представить себе военачальника, который не допустил бы ни единого просчета в такой грандиозной битве. Главнокомандующий Кутузов и император Наполеон, наверное, не были исключениями. Кроме того, действия каждой из сторон в условиях боя всегда направлены на то, чтобы вынудить неприятеля совершить некоторые ошибки, ведущие его к конечному поражению. Поэтому можно предположить, что недостаточная инициативность Кутузова при Бородине была вызвана как широкомасштабным и решительным наступлением французов на русские позиции, так и опасениями русского главнокомандующего, что непродуманное и поспешное контрнаступление, на пути которого были способны встать гвардия Наполеона и другие свежие силы, приведет к полному разгрому русских войск и поражению в войне. Артиллерию же Кутузов берег на случай прорыва неприятеля в русский тыл и иных катастрофических последствий французских атак. В свою очередь, перечисленные историком «просчеты»

Наполеона могли быть порождены: во-первых, невозможностью сокрушить правый фланг русских войск – армию М. Б. Барклая де Толли, которая занимала выгодную и хорошо укрепленную позицию на берегу р. Колочи; во-вторых, измотанностью французских войск после захвата «флешей» и Курганной батареи и, в-третьих, опасениями Наполеона, что, двинув в бой гвардию, он рискует, в случае ее неудачной атаки,⁴⁷ лишиться своего главного резерва. Наконец, читая мудрые мысли историка об ошибках двух незаурядных полководцев в генеральном сражении, нельзя не вспомнить бессмертный афоризм из великой поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре»: «Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны».⁴⁸

Тем не менее, заслуги Н. А. Троицкого в изучении проблем Отечественной войны 1812 г. являются весьма значительными. Труды ученого сумели вновь пробудить огромный научный и общественный интерес к событиям, оценки которых в отечественной исторической литературе длительного предшествующего периода обрели, казалось, свою твердокаменную незыблемость. Результатом стал выход десятков новых работ российских историков, в которых по-новому осмысливаются ход Отечественной войны и значение Бородинского сражения. Кроме того, многие положения, выдвинутые Троицким, прочно закрепились в современной историографии данной проблематики.⁴⁹

Так, В. М. Безотосный приводит во многом сходное описание хода и итогов Бородинской битвы, соотношения сил сторон и понесенных ими потерь. По версии Безотосного, численность русских войск составляла около 150 тыс. чел. (в т. ч. 9,5 тыс. казаков и 28 тыс. ополченцев) и 624 орудия, численность армии Наполеона – 135 тыс. чел. и 587 орудий. Сражение окончилось тем, что «вечером французские части были отведены на исходные рубежи. Русских победить не удалось». Русские войска потеряли убитыми и ранеными 40–50 тыс. чел. (прекратила существование 2-я Западная армия, которой командовал смертельно раненый при Бородине князь П. И. Багратион), французы – примерно 35 тыс. чел. Обе стороны захватили в плен примерно по 1 тыс. чел. Среди русских генералов было убито и смертельно ранено 4, ранено – 23; французы потеряли 12 генералов убитыми и 38 – ранеными. Вопрос о победителе в Бородинском сражении Безотосный считает «в целом спорным», так как, во-первых, «иностранные авторы, как правило, отдают предпочтение Наполеону, большинство же отечественных историков – Кутузову, лишь немногие считают итог ничейным»; а во-вторых, «ни один из противников не решил поставленных задач и не добился существенных результатов. Наполеон не разгромил русскую армию, Кутузов не защитил Москву». Историк также саркастически отозвался о Кутузове, который своими, «виртуозно» написанными «по горячим следам», донесениями императору Александру I (от 27 и 29 августа 1812 г.) представил исход Бородинского сражения в выгодном для себя свете, но при этом, по мнению Безотосного, грубо искажал реальность. «Даже не знаешь, как односложно оценить бородинскую реляцию Кутузова, назвать ли ее прямым обманом императора, умело составленной дезинформацией, хорошо рассчитанной придворной комбинацией или пиар-кампанией? – пишет Безотосный. – Написана она была мастерски, вполне в духе XVIII столетия, даже была сказана почти правда, но далеко

⁴⁷ Гвардия Наполеона могла попасть под удар русской артиллерии, превосходившей, по мнению того же Н. А. Троицкого, артиллерию французскую.

⁴⁸ В своей рецензии на 2-е изд. книги Н. А. Троицкого «1812. Великий год России» (М., 2007) А. И. Попов, в частности, упрекнул автора в том, что он «не учел десятки статей и книг, вышедшие за последние 20 лет» по тематике Бородинского сражения, а также выделил несколько фактических ошибок и неточностей, допущенных Троицким при описании хода сражения (Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2008. – № 4. – Т. 10. – С. 1302). Если принять во внимание, что уточнение множества подробностей Бородинской битвы продолжается и 200 лет спустя, то едва ли следует удивляться, что в самый день побоища оба полководца располагали, мягко говоря, не самыми выверенными сведениями. Это имело следствием принятие решений, не всегда адекватных остроте быстро менявшейся ситуации.

⁴⁹ См.: Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813–1814 годов. Энциклопедия. В 3 т. / Отв. ред. В. М. Безотосный, А. А. Смирнов. – М., 2012; Безотосный В. М. Все сражения русской армии 1804–1814 гг. Россия против Наполеона. – М., 2012; и др.

не вся».⁵⁰ Действительно, через 5 дней после сражения – 31 августа царь произвел Кутузова в генерал-фельдмаршалы с пожалованием 100 тыс. руб.; жена главнокомандующего – Екатерина Ильинична (урожденная Бибикова) стала статс-дамой императорского двора. Но после того, как 2 сентября 1812 г. Наполеон занял Москву, Кутузов, разумеется, оказался в «незавидном» положении. Известно, что Александр I нередко смеждал своих военачальников за проступки гораздо меньшие, чем сдача «первопрестольной» неприятелю. Однако на этот раз государь оказался бессилён наказать проштрафившегося главнокомандующего, ибо совсем недавно сам «известил всю Россию» о его «победе». Ловкий маневр Кутузова, в самых изысканных выражениях доложившего царю об успешном генеральном сражении (хотя в его реляциях предположительно было опущено слово «победа»), немедленно вызвал ответную монаршую милость, и дезавуировать ее, по мнению автора, было уже невозможно. «Как-то было не с руки отменять «победу», – поясняет Безотосный, – да и как уволить признанного «победителя», к тому же еще только что произведенного в генерал-фельдмаршалы. Нужно было сохранять правительственную версию, подождать, пока не прояснится и не изменится ситуация дальше. Главное – существовала армия, значит, не все еще было потеряно». По словам Безотосного, Бородинское сражение имело «промежуточное значение», оценивать эту битву следует применительно к «судьбам каждой армии». В этом отношении Бородино, несмотря на все оговорки, видимо, все-таки признается шагом на пути к полному поражению Наполеона в войне 1812 г. Свои рассуждения Безотосный подытожил следующим образом: «Русские войска, находясь на своей территории, за короткий срок все же имели шанс восстановить численность своих рядов (даже несмотря на то, что оставили на поле сражения более 10 тыс. раненых). Для Наполеона самым ощутимым оказалась большая убыль конного состава. Бородино стало кладбищем французской конницы, что пагубно сказалось во время второго этапа войны. Недостаток кавалерии и потеря, вследствие этого, маневренности в военном отношении стали одними из основных причин катастрофической гибели наполеоновской армии в России».⁵¹

⁵⁰ Безотосный В. М. Указ. соч. – С. 323–328.

⁵¹ Там же. – С. 328–329.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.